

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor - Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
Monroe 4219, Dpto. 10
1430 Buenos Aires - Argentina

Correo
Argentino
Suc. 80 (B)

FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión N° 3930

INTERES GENERAL

AÑO XXXIII Buenos Aires, Viernes 10 de abril de 1981

Буэнос Айрес, пятница, 10 апреля 1981 г.

№ 1621

А. МАКРИДИ

О МИЛЛИОНАХ КРЕПОСТНЫХ

(К СТОДВАДЦАТИЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ И СТОЛЕТИЮ ЦАРЕУБИЙСТВА)

— Кто может быть несчастнее русского мужика?! — воскликнул я — Английский мужик! — ответил англичанин.

(«Думы на дороге», А. С. Пушкин)

Сто двадцать лет тому назад освобождению подлежало 52 миллиона. Из них, помещичьих 22 и удельного ведомства с монастырскими — 30. Эти тридцать считались наполовину освобожденными, в силу больших преимуществ.

Первым, кто хотел освободить крестьян, был имп. Пётр III, но его «вольности дворянские» *) свели желание на нет. Имп. Екатерина II, царствование которой принято считать самым тяжелым для крепостных, также вошла на престол с намерением их освободить, но остановилась перед нагромождением непреодолимых трудностей. Её сын начал царствование тоже с намерением освободить крестьянство. Имп. Павел I царствовал 4 года 4 месяца и 4 дня и осуществить намерение не успел, но как никто до него, сократил власть помещиков и расширил права крепостных, за что и называли они его Народным Царём.

С мечтой об освобождении вступил в управление и имп. Александр I. Ему помешала Отечественная война, а следующему царю — Крымская. Но в завещании, оставленном сыну, имп. Николай I указал завершение подготовки к освобождению, как первейшую обязанность престолонаследника, когда он станет императором. Воля отца и была исполнена имп. Александром II, вошедшим в историю России с именем Царя-Освободителя.

Герценовское «ты победил, Галилеянин!» стало с тех пор выражением прогрессистского одобрения, как реформы в целом, так и реформатора, в частности. Искренность одобрения сомнительна. Просто, трудно оспаривать значение и человеколюбие реформы, что по плечу только советской пропаганде. Но зато восхвалением освобождения можно приравнять его, чуть не к революции, а главное, таким путём еще сгустить тень в изображении всего, что ему предшествовало, то есть, самого крепостничества. Убийство же толкуется глупее всего: как следствие отказа императора от дальнейших преобразований.

Во всем этом нарочитая и вздорная путаница; заслуга императора Александра II, и заслуга огромная, не столько в самом освобождении, значительно подготовленном, сколько в у с т р о й с т в е дальнейшей судьбы освобожденных, о чем, кроме России, не поза-

ботилось у себя ни одно государство и чего не принимали во внимание иностранцы, предрекавшие российской реформе самые губительные последствия. Такой искусственный политик, как Бисмарк, не видел спасения России от ожидавшей ее, по его мнению, неизбежной пугачёвщины. А Наполеон III предостерегал даже царя от «ложного и самоубийственного шага». Северо-Американские Соединённые Штаты, отменили р а б с т в о позже, через несколько лет, но дальше этого пойти не решились, предоставив 6 миллионов негров их нищенской судьбе. По крайней мере миллион из них погиб в короткий срок от голода и в схватках с белым населением, при попытках его грабить. Ничего похожего не случилось в России, если не считать коротких волнений в провинции, да и то не самобытных, а поднятых городскими смутьянами.

Примечательно, что почти одновременное освобождение двух, ничем исторически, ни хозяйственно, не связанных народов на разных сторонах Земли, оказалось чреватое убийством обоих освободителей, хоть по мотивам противоположным: Линкольна убили за то, что он был масоном, а Царя-Освободителя потому, что он масоном не был...

*

... «дворяне говорят: крестьянину не давай обрости, но стриги его до гола, яко овцу!»

(Из сочинения И. Т. Посошкова

XVIII век)

А теперь, о других миллионах, тоже крепостных.

Рядом с Кремлём широко раскинулся буквой П массивный пятиэтажный дом с красивым порталом и многоступенчатой, трехсторонней лестницей, спускающейся в тенистый сад, отгородивший дом от Москворецкой набережной. Это один из уцелевших памятников старого русского зодчества. Верстовые, широкие и высокие, со сводчатыми потолками коридоры его уложены тяжелыми чугунными плитами, кружевной узор которых ни на волос не стерся за двести лет. По ним в 1812 году галопом проскакал на арабском жеребце маршал Мюрат, а позже, до самой революции, они звенели под каблучками нескольких поколений русских институток — получающих на полном казенном содержании среднее образование девочек, потерявших родителей. Институт был известен под названием «Сиротский Дом». Когда же революция выкинула сирот, чтобы разместить в доме все центральные комитеты всех советских профсоюзов и их печатные органы, дом стал официально называться «Дворцом Труда». Весь верхний этаж его занял «президум», в котором был только один русский, да и тот — Евреинов. А председательствовал там, пока не застрелился, старый ленинский большевик Томский,

отчего неистощимые москвичи стали называть сей дворец бесполезного труда «хижиной дяди Томского».

Эта «хижина», занимающая, без малого, целый квартал современной Москвы; каменной кладки метровой толщины; выдержавшая наполеоновское нашествие, московский пожар и гитлеровскую бомбардировку, была построена на собственные средства в дар императрице Екатерине II родоначальником Прохоровской мануфактуры, в бытность его крепостным светлейшего князя Потёмкина-Таврического. В обход хозяина, от которого Прохоров не мог добиться освобождения, он надеялся получить «вольную» от самой хозяйки, и просчитался: императрица дар благосклонно приняла, но просьбу оставила без последствий, сославшись на отсутствие закона, дающего ей право распоряжаться хозяйством своих подданных. Неприятностей от того у Прохорова не случилось, но светлейший его еще долго не отпускал.

Потёмкин был не единственным помещиком такого рода. Шереметьевы, Уваровы, Воронцовы, Ягужинский и ряд других тоже имели крепостных миллионщиков. Среди последних, кроме Прохорова выделяются имена Пастухова, Виноградова, Пономарёва, Вахрамеева, Ситникова, Шелушина...

Пастухов за вольную предлагал миллион, надо полагать, не последний, но барин неизменно отвечал:

— Голубчик Димитрий! Иметь таких крепостных, как ты, для меня слава великая. Она мне дороже твоего миллиона, оставь его себе, он тебе еще пригодится!..

Ситников тоже предлагал миллион, и так же безрезультатно. У Ситникова была особая забота: в его дочку влюбился лифляндский барон, родители которого благословения на брак с крепостной девушкой не давали. Какими-то случайными путями дошла эта история до императрицы. Императрица повелела привезти к ней девушку, поговорила с ней по-французски, по-немецки, осталась довольна и по секрету обещала «как-нибудь помочь». И обещание сдержала: на приёме, в присутствии свидетелей, она обратилась к графу Шереметьеву с такими словами:

— Люблю тебя, Пётр Борисович, за отзывчивое сердце твоё! Спасиво за то, что Ситникову без выкупа вольную дал; теперь он сможет для дочки хорошее приданое устроить!

Граф от неожиданности ничего ответить не нашелся, только поклонился, а воротясь домой, перво-наперво, выписал Ситникову вольную и строго наказал говорить всем, что получил её неделю тому назад...

У Шелушина миллионов было меньше, поэтому, он предлагал за вольную только триста тысяч серебром, но хозяин

говорил, что и за миллион его не отпустит, однако, и Шелушину повезло. Как-то, вернувшись из заморской negociации, еще парусов не успев спустить, он узнал уже, что барин его в отчаянии, потому что, ожидая к обеду цесаревича Павла Петровича, не смог во всем Петербурге ни одной устрицы найти, а до устриц цесаревич zelo охочь. Среди шелушинских зарубежных закупок, нашелся и боченок устриц. Хозяин пришел в такой восторг, что тут же, на бочёнке, выписал вольную и от денег отказался...

Крепостные богачи владели экспортными конторами, ювелирными лавками, шелкопрядильными фабриками и другими, самыми разнообразными предприятиями. Они вели торг в различных странах, возили за границу одни товары, закупали там другие и никому в голову не приходило опасаться того, что они станут где-нибудь искать «право на политическое убежище», хотя и могли беспрепятственно вывезти куда угодно все своё достояние и родственников. Если перевозились грузы поценнее, то негоцианты пользовались покровительством властей. Сама императрица повелела, однажды, предоставить в распоряжение трёх крепостных купцов фрегат «Надежда Благополучия». Надежда, на случай встречи с морскими озорниками, подкреплялась тридцатью шестью пушками...

Из приведённых примеров еще не следует, что сделаться миллионерами екатериненским крепостным было легче, чем нам, свободным избирателям, но важно не это; важно то, что сделаться они могли, и делались наперекор Радищевым, Посошковым, Болотовым, Самариным и прочим Некрасовым. Делались потому, что у них были не только обязанности, но и права. Равно, как у помещиков были не только права, но и обязанности. О том и другом ревнителю умозрительно любимого народа помалкивают, ограничиваясь пережевыванием отрицательных проявлений крепостничества, выбранных достаточным числом, чтобы произвести впечатление и возбудить отвращение к прошлому России.

Борьба с этим наветом не прекращается, борьба Давида с Голиафом... «Чудище обло, озорно, огромно, стозево и лайя» — это Голиаф. Он еще к тому же, властен и богат; покупает всё, что продается, а продается теперь всё, кроме Давидовой пращи; даже Голиафу она не по карману, потому что чистой монеты у него нет, а кредитками праша не котируется.

И тут, лайя — не лайя, чудищу предель, за которым неподкупная правда. Положенная в даvidову прашу, она Голиафа когда-нибудь сразит. Он это знает, злится, но всё больше запутывается в противоречиях и спотыкается. А праша ждёт своего часа. И дожждётся.

А. МАКРИДИ

*) «Вольности дворянские» состояли в отмене закона Петра Великого, обязавшего всё дворянство (мужчин) к государственной службе.

Я. ТЕЛЬНОВ

Правда с неправдой борются

(К ДИСКУССИИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 1917-1922 г. г.)

И вовсе не народом она (революция) осуществлена, а над народом.

Н. Осипов

Это духовное прозрение Н. Осипова М. Бернштам теперь раскрыл в своей исключительно ценной статье о гражданской войне в России в 1917-1922 г. г., напечатанной в «Вестнике РКД» № 128. Читая ее мы знакомимся не с предвзятой тенденциозной историей нашей национальной трагедии, а с глубоким и объективным исследованием этого периода, законанном в броню документов и ссылок на источники.

Главный вывод этого исследования заключается в том, что никакой русской революции не было, а произошла насильственная антинациональная революция, совершенная силами мирового социализма-коммунизма.

Русский народ и другие народы России, в основной своей массе оказали упорное многолетнее сопротивление этой революции. Оно выразилось в возникновении Белого Движения и повсеместного народного повстанчества, а под конец, и в военных бунтах против советской власти. Не в силах сломить за четыре года непокорный народ, коммунизм, чтобы удержаться у власти, прибегнул к глубокому стратегическому отступлению — объявил НЭП.

Такое ниспровержение «великой русской революции», воспетой партией, не могло не всполюшить просоветские круги эмиграции и советскую в ней агентуру, а еще больше агитпроп КПСС, объявлявший блюсти партийное толкование небывшей «народной революции».

И вот пришла из Москвы статья Максудова. Я лично, в противоположность М. Бернштаму, считаю, что выступление Максудова было инспирировано соответствующими органами и ему только постарались придать характер частного выступления.

В то время, как Бернштам ищет и находит правду о гражданской войне, Максудов старается утвердить обычную советскую ложь.

Первые страницы статьи Максудова лишены серьезного содержания. Очевидно, не имея, что возразить Бернштаму на его положения о мировом устремлении коммунизма, о народном повстанчестве, о Белом Движении, об интеллигенции и т. д., он прибегает к дешевым средствам полемики: к иронии, насмешкам и даже глумлению. Но можно бы спросить: над кем смеетесь, над кем глумитесь? Над трагедией великого народа, вместо того, чтобы ее понять и объяснить? Спорить об этом с Максудовым бесполезно. Ему, например, не понять, что народное повстанчество и Белое Движение по своей идее были едины: одно и другое были против коммунизма. И только политическая неподготовленность белых генералов не позволила этим движениям слиться воедино. А теперь не приходится гадать, что было бы лучше. Но радуемся: уже идет прозрение, и его, в частности, несет М. Бернштам.

Главный свой удар Максудов сосредоточил на интернационалистах и рядится в тогу русского патриота и даже оскорбляется за русский народ, что какие-то интернационалисты могли навязать русскому народу социализм. Он сам указывает, что этот вопрос имеет «древнее» происхождение, а мы прямо можем сказать, что этот вопрос зачался сразу же с установлением в России советской власти. А эта власть была интернационально-социалистическая. Она породила и поощряла интернационалистов. И тогда возникает вопрос, откуда же на Руси вдруг появилась такая власть? Это правительство никто не выбирал. Оно приехало к нам из Швейцарии во время I мировой войны. Объявившись немецкому правительству за предоставление «кредита» в 50 миллионов золотых марок разложить русскую армию и провести в стране революцию, чтобы вывести Россию из войны.

Теперь все это подтвердилось документами германского министерства иностранных дел, захваченных английской армией во время Второй мировой войны. На это немецкое золото содержались все органы большевистской партии и

особенно ее военный отдел, а также матросские и красногвардейские отряды. Этому вопросу посвящена целая глава под названием «Ленин и немецкие деньги» в очень ценной книге Н. Рутыча «КПСС у власти», книги, носящей научный характер с более, чем 500 ссылок на источники. Захватив власть, Ленин образовал в России интернационально-социалистическое правительство. А как удержать власть в своих руках — это не составило для него проблемы. Опираясь он нашел не в русской воинской силе, которой мало доверял, а сразу оперся на силу интернациональную, вызвав с фронта латышскую стрелковую дивизию, созданную еще царским правительством.

Расчет был верный, латыши держались сплоченно и замкнуто среди русского населения. Ленин не особенно верил в высокие чувства людей и чтобы укрепить преданность латышей платил им за их верную службу валютной, о чем тогда говорила вся Россия. Латышские стрелки оказали советской власти неоцененные услуги. На первых порах ее существования — они спасли ее от гибели. Латыши охраняли Смольный, когда там заседало советское правительство, они подавляли восстание рабочих и части гарнизона Петрограда, когда те выступили на защиту Учредительного Собрания, разогнанного большевиками. Когда советское правительство переехало в Москву, латышские стрелки несли охрану Кремля, они же подавили здесь восстание левых эсеров во время 4-го съезда

пошли в армию, больше всего в качестве комиссаров всех рангов. Но не забудем — иные евреи были в белых армиях.

Советское интернациональное правительство на основе опыта с латышами и поляками видело, что самый надежный путь укрепить свою власть в России — это интернациональные отряды. В то же время коммунистическое правительство в те времена было глубоко убеждено, что после поражения Германии и Австрии, там тоже начнется социалистическая революция, которая может распространиться на всю Европу. Известно, что говорил Ленин: «Дело не в России. На нее, господа хорошие, мне наплевать. Это только этап, через который мы проходим к мировой революции». Отряды интернационалистов оказались нужными не только для России, но и для заброски их в другие страны. И советское правительство развернуло энергичную работу по созданию интернациональных отрядов, как из социалистов, так и из людей, просто стремящихся переменить лагерное прозябание на более привольную жизнь в привилегированных интернациональных отрядах.

База для таких формирований имела очень большая. Сам Максудов сообщает, что в конце войны в России скопилось немало иностранных граждан: военнопленных — 2 - 2,3 миллиона, беженцев из западных прифронтовых областей — 1,5 - 2 миллиона, азиатских рабочих, завербованных по контрактам: китайцев — 200 тысяч, персов — около 200 тысяч. Отсюда и черпались кадры интернационалистов. Максудов пишет, что положение военнопленных после октябрьской революции резко изменилось. Была снята охрана лагерей и военнопленные получили много свободы, могли создавать свои организации.

В апреле 1918 года был созван Всероссийский съезд военнопленных в Москве,

таец сидит за пулеметом, то он будет палить до последнего патрона и его можно взять только с тылу».

Н. Рутыч в своей книге (стр. 156) пишет: «Китайцы входили почти во все интернациональные части, без которых на первом году гражданской войны не обходилось почти ни одно крупное соединение Красной армии. Батальон китайцев сражался, например, в составе 2-го интернационального полка 16-ой стрелковой дивизии известного В. Киквидзе, были они и совместно с венграми, австрийцами и немцами в интернациональном полку в части, которой командовал В. И. Чапаев». Были также китайцы в красногвардейском отряде в Донбассе, о чем также сообщает Рутыч.

Максудов не мог опровергнуть данных М. Бернштама о численности интернационалистов и должен был признать что все они взяты из советских источников по истории гражданской войны. Самые названия этих источников очень характерны, например: «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов», и множество других в таком же роде. Максудов заявляет, что можно пользоваться только документами штабов Красной армии. Суммируя отдельные части интернационалистов по данным Командования Фронтов, Максудов приводит такие цифры: осенью 1918 года интернационалистов из военнопленных и иммигрантов было не 50000 (между прочим эту цифру приводит и Н. Рутыч), как установил М. Бернштам по источникам, а только 11000, а летом 1920 года не 250000, а 24000. Численность латышских стрелков не встречает со стороны Максудова значительных поправок — это слишком хорошо всем известно, Бернштам терпеливо разъясняет, что этот метод неправильный, что каждая армия имеет большие тыловые резервы, в которых интернационалисты по методу Максудова не учтены. Кроме того, совсем обойдены внутренние войска, в которых интернационалисты занимают высокий удельный вес, такие, как войска ВЧК, ВОХР. Не вошли также в такой учет десятки внутренних фронтов против повстанцев, для чего использовались целые армии — крупные экспедиционные отряды Хвесина, Славена, Блумберга и др..

Обо всем этом Максудов, или стоящие за ним, умалчивают, им не нужна правда и они ищут подходящий метод, чтобы оправдать свою ложь.

Приведя ничтожные цифры об участии интернационалистов в Красной армии, Максудов, как всегда это делают советские авторы, оборачивает дело в противоположную сторону. Он утверждает, что не красные, а Белые армии располагали огромным числом интернационалистов. И делает это очень просто. Все воинские части, сформированные еще царским правительством, он относит к интернационалистам, сражавшимся на стороне белых в 1918-1920 г. г. Таких частей он насчитывает в Сибири: чешский корпус (35 - 50 тысяч), к которому примкнули сербские отряды, польский корпус (11 тысяч), румынская дивизия (без указания численности), а всего, будто бы, 50-80 тысяч этих интернационалистов, сражавшихся против большевиков в 1918-1920 г. г. на Востоке. В Европейской России к числу интернационалистов, сражавшихся против большевиков в 1918-1920 г. г. он отнес следующие войска, сформированные из военнопленных царским правительством: опять сербские части в количестве от 12 до 30 тысяч, находившиеся на юге и на севере с войсками стран Антанты, опять румынские отряды в Одессе, приблизительно 11 тысяч, корпус Девбор-Мусницкого — 16500 поляков, того самого, который помог Ховрину уничтожить 3-х тысячный отряд ударников Корнилова, а всего по счету Максудова 50-100 тысяч военнопленных.

Максимальную численность Белых армий Максудов определил не в 537 тысяч, как у Бернштама, а в 287 тысяч, и таким образом выходит, что главную силу Белых армий составили бывшие военнопленные. Нелепость этих утверждений совершенно очевидна. Но дело и не в этом. Всякому понятно, что главная масса военнопленных не стремилась воевать за Россию, а спешила вернуться домой, что и сделала, как только Германия и Австрия капитулировали. Остались только те, кто уже был завербован советским правительством в интернациональные отряды Красной армии по своей склонности к социализму, или это уж были такие пролетарии, что домой

ИСПОЛНИЛИ ЛИ ВЫ ВАШ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ? ЗАПИСАЛИ ВАШИХ ДЕТЕЙ В РУССКУЮ ШКОЛУ?

советов. Латыши разгромили Ярославское восстание и они же участвовали в отражении наступления Юденича на Петроград. Н. Рутыч в своей, вышеупомянутой, работе перечисляет множество городов, где те же латыши подавили народные восстания. Много латышей работало в органах Чека Дзержинского. Н. Рутыч в своей работе (стр. 192) указывает, что в московском ЧК из 2000 сотрудников две трети составляли латыши.

Второй готовой воинской интернациональной силой, помогшей укрепиться советской власти, были поляки (извечные ненавистники и завистники России). Польские части, сформированные еще царским правительством, а частью и из австрийской армии, под натиском немцев отошли на территорию РСФСР и помогли не белым, как пишет Максудов, а красным. Н. Рутыч пишет, что польские, как и латышские, части приобрели психологию наемных частей, что усиленно поощрялось Троцким, поставившим их в привилегированное положение в смысле материального и денежного довольствия.

Можно сообщить два примера из действий польских частей. Один сообщил Бернштам: польский отряд в 16000 человек, уже носивший название «польского революционного легиона», вместе с матросским отрядом Ховрица в 300 человек помог уничтожить 3000 корниловских ударников, пытавшихся прорваться через Белгород на Дон. Второй дает Рутыч (стр. 154): «Польские интернациональные части были той ударной силой, которая подавила Ярославское восстание» вместе с латышами.

Третьей силой, поддержавшей советскую власть были евреи. Они заполнили советские учреждения, а когда началась организация Красной армии —

который избрал «ЦИК интернационально-революционной организации рабочих и крестьян». В сентябре в своем отчете ЦИК объявил: «В Красной армии на разных фронтах сражается более 50000 иностранных пролетариев за святое дело пролетариата всех стран, за советскую республику». Максудов опровергает цифру 50000, откуда, мол, ЦИК мог это знать? Ясно откуда — он получил ее от тех органов, которые занимались организацией интернациональных отрядов. А такие органы были созданы. Максудов, конечно, о них знает, но умалчивает, но Бернштам сообщает о них так (стр. 275, «Вестник РКД» № 131): Были созданы специальные организации по набору интернационалистов — федерация иностранных групп ВКП (б) и Управление штаба Красной армии по комплектованию интернациональных частей. Они охватили сеть комиссаров и уполномоченных все доступные лагеря военнопленных и эмигрантов, осевших в городах и т. д. Впоследствии иммигрантов, прельстившихся ожиданием счастливой жизни при социализме в России, принявших советское подданство, стали просто мобилизовать наравне с советскими гражданами, а кто хотел сохранить старое подданство, тот должен был идти добровольно, если не хотел очутиться в концлагере. Таким образом, вербовка в интернациональные отряды была поставлена в широких всеохватывающих размерах. Ничего этого Максудов не мог опровергнуть. Максудов смеется, что китайцев вербовали в интернациональные отряды, они, мол, и винтовки держать не умели. А вот Донцы, сражавшиеся с дивизией Киквидзе, знали, что в ней немало китайцев, что они не только владеют винтовкой, но и пулеметом. Казаки говорили: «если ки-

возвращаться им было не к чему. Особо стоит вопрос о чехах. О них сложилось мнение, что они пошли с белыми. Но это было только самое короткое время. Как только они узнали, что Чехия освобождена, захватили в свои руки 600-миллионный золотой запас царской России, как и все другие, устремились домой.

Как показал в своей статье М. Бернштам, пользуясь изучением этого вопроса нашим историком С. П. Мельгуновым, чехи помогали не белым, а красным. Они, и особенно их командный состав (интеллигенция), тяготели к социализму, симпатизировали красным и желали их победы. Они разложили тыловые штабы адмирала Колчака, заполнив их левыми социалистами-революционерами, работавшими вместе с большевиками. И эти штабы развили деятельность не за Колчака, а против адмирала и окончательно показали за кого они, выдав Колчака на расстрел большевикам. Не простится им никогда и то, что закупорив Сибирскую железную дорогу своими эшелонами, они обрекли на гибель множество раненых и беженцев: женщин, стариков и детей.

Извращенное толкование дает Максудов Поволжскому восстанию крестьян и рабочих, которое подняли съехавшиеся в Самару члены разогнанного большевиками Учредительного Собрания, о чем Максудов умалчивает. К ним присоединились рабочие Ижевского и Воткинского заводов и скоро восстание захватило широкий край, где стала создаваться Народная армия. Чехи в то время сочувствовали и поддерживали это движение, а Максудов выставляет его так, что оно было направлено против чехов и гордо восклицает: «Россия не приняла чужой помощи». Нет, совсем не так. Народ не принимал здесь чуждой ему антинациональной власти. Надо знать историю ижевских и воткинских рабочих, чтобы понимать, что советская власть никак не была приемлемой для них. Они были зажиточными, потому что не только работали на заводах, но и занимались сельским хозяйством и крепко держались веками сложившегося народного быта. Здесь был как раз тот тип трудовой семьи, который воспели Мельников-Печерский и Кропоткин и он успешно стал распространяться в России по мере роста в ней фабрик и заводов. Большевики справились с этим восстанием потому что между руководством Народной армии и правительством Колчака возникли непреодолимые разногласия.

Максудов ничего не говорит о широком развитии в стране народного повстанчества, когда даже советский историк С. М. Спирин пишет, что не было ни губернии, ни уезда, где бы не кипели народные восстания. Сила народного повстанчества не утихла, а даже возросла через три года гражданской войны. Она устранила самого Ленина и он сказал об этом так: «Мелкобуржуазная стихия оказалась для коммунистического режима опаснее всех белых армий вместе взятых». Об этом Максудов, конечно, умалчивает.

Но то, что всем известно и чего скрыть нельзя, он передает так: «Восстание Антонова, выступления Григорьева и Махно, многочисленные крестьянские бунты, партизанские отряды зеленых, Кронштадт, волнения в Петрограде и Астрахани, Ижевске и других городах — все это ложится на антисоветскую чашу весов, вместе со сражавшимися у Колчака и Деникина, вместе с отчаянной борьбой донских и кубанских казаков». «Повидимому эти активно борющиеся антибольшевицкие силы составляли сотни тысяч человек (подчеркнуто мной. Я. Т.). Но на другой чаше весов было 7,5 миллионов красноармейцев, обеспечивших в конечном счете победу Красной армии». (Объясним: цифру 7,5 миллионов Максудов выводит так: перед демобилизацией в Красной армии было 5,3 миллиона, а за три года она понесла 2,2 миллиона потерь (громадные потери, замечу от себя). И офицеров было много в Красной армии, говорит Максудов, может быть больше чем в Белой (50 тысяч и 200 тысяч унтер-офицеров)». Большая была Красная армия, а читатель думает: зачем она нужна была такая большая, если Белье армии по утверждениям Максудова, были так малочисленны! Видно правда, что кроме внешних фронтов было много внутренних фронтов с повстанцами, да и были замыслы ринуться на Европу, чтобы и там устроить социалистическую революцию. Или уж эта армия была такой никчемной, что никуда не годилась?

Полковник Кубанского войска Елисеев в своих воспоминаниях пишет: «Когда мы сдались на милость победителя перед нами церемониальным маршем проходила Красная армия. Я смотрел и поражаюсь до чего она имеет изурнанный и жалкий вид и думал: и они нас победили!»

Красная армия, в которую, будто бы, по словам Максудова, устремились рабочие и крестьяне, чтобы защищать большевизм, действительно была жалкой и инертной. Максудов, конечно, об этом умалчал, но Бернштам вскрыл это в точных неотразимых документах, как она создавалась и как управлялась; мобилизовалась — расстрелами, дисциплинировалась — расстрелами, посылалась в бой — расстрелами. Военная доктрина коммунизма была — расстрел. Вот что писал о Красной армии ее главнокомандующий И. И. Вацетис в январе 1919 г.: «Дисциплина в Красной армии основана на жестоких наказаниях, особенно на расстрелах... Смертная казнь практикуется на фронте настолько часто по всевозможным поводам и случаям, что наша дисциплина в Красной армии может быть названа в полном смысле этого слова, кровавой дисциплиной. Мы бьем противника не искусством и храбростью мы берем его измором и тем, что у нас бесконечные источники для пополнения убитых». А вот другое свидетельство: «Грустная картина — не успевши сформироваться, наши части начинают разлагаться, дают громадный процент — до 70% — дезертиров, которые, унося с собой винтовки, затем укомплектовывают зеленые банды. Вот почему нам потребовалось 250 тысяч человек для одоления 15 тысяч юденических белогвардейцев».

Такая же расстрельно-кровавая система управления была создана и внутри страны для расправы с недовольными, волнениями, забастовками, дезертирами, народными повстанцами и т. д., при помощи всеохватывающей сети ЧК, ее ЧОНов и специальных карательных отрядов, где главная роль обычно принадлежала, как и на фронте, отрядам интернационалистов.

Страшную расправу устроили большевики в Крыму и в Кронштадте. Как сообщает в своем исследовании Н. Рутыч, 15000 белых офицеров, оставшихся не эвакуированными, были расстреляны все до одного, а 14000 сдавшихся кронштадтских матросов были заключены в тюрьмы и лагеря и потом постепенно расстреляны. И тем и другим было обещано прощение!

И что еще важно — М. Бернштам с предельной ясностью показал, кто были творцами этой расстрельно-кровавой системы, от которых она расходилась и на фронте и внутри страны. Это была четверка коммунистов-фанатиков, извергов-интернационалистов: Ленин, Троцкий, Дзержинский и Свердлов. Они оставили после себя ужасающие документы. Вот некоторые из них.

Ленин председатель совнаркома. В критические дни похода Юденича на Петроград осенью 1919 года указывал: «Покончить с Юденичем (именно о покончить-добить) нам чертовски важно. Если наступление начать, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих и тысяч 10 буржуев, поставить сзади их пулемет, расстрелять несколько сот и добить настоящего массового напора на Юденича». Или такие его указания по мобилизации: «Внушите всем работникам по мобилизации, что останавливаться на подорожье нельзя. Было бы позором не расстреливать за неявку и уклонение от мобилизации».

Троцкий — военный министр и председатель реввоенсовета. Приказ реввоенсовета: «Всякий негодяй, который будет подговаривать к отступлению, дезертирству, невыполнению боевого приказа, будет расстрелян. Всякий солдат, который самовольно покинет боевой пост, будет расстрелян. Всякий солдат, который бросит винтовку или продаст часть обмундирования, будет расстрелян. Во всей прифронтовой полосе распределены заградительные отряды. Всякий солдат, который попытается оказать этим отрядам сопротивление, должен быть расстрелян на месте. За укрывательство дезертиров виновные подлежат расстрелу. Дома, в которых будут открыты дезертиры, подлежат сожжению». И много других расстрельных операций числится за Троцким. Так воевала Красная армия.

Дзержинский — председатель ЧК, так наводил большевицкий порядок внутри страны: расстреливал направо и налево, топил баржами, сажал в кон-

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИИ В С.С.С.Р.

Английский «Кестон Ньюз Сервис» от 5.12.1980 сообщает, что редакцией получено два открытых письма из СССР: одно за подписью о. Василия — другое Вадима Щеглова. Оба они состоят членами основанного о. Глебом Якуниным Комитета по защите Прав Верующих в СССР.

16 мая 1980 г. о. Василий пишет, что он был вызван в этот день в московский отдел КГБ и «повидимому, мое вступление в члены Христианского Комитета, по мнению органов безопасности, оказалось достаточно значительным с того времени как подробности моей биографии и сообщение о желании стать членом Комитета были опубликованы за границей».

«Недавно были арестованы члены-основатели Комитета: о. Глеб Якунин и Виктор Капитанчук. Член Комитета В. Щеглов находится под угрозой ареста. При этих условиях, не исключается возможность и моего ареста тоже».

«В случае если от моего имени будут распространяемы заявления или материалы, неблагоприятные, для Комитета или же его членов, я прошу считать их недействительными и противными моим убеждениям касательно пользы работы Комитета по защите Прав Верующих».

Второе письмо, датированное 8 октября за подписью Щеглова сообщает, что он... «за последнее время стал объектом нелегального преследования со стороны властей. Мой телефон постоянно злонамеренно выключается и сам я должен потерять работу. В ожидании ареста я заявляю, что я не отказываюсь от своих взглядов и от моей деятельности в рядах Комитета».

«В случае моего ареста и дачи показаний, которые противоречили бы высказанным выше взглядам, такое показание было бы вынуждено у меня вопреки моей воле и совести в результате применения незаконных методов».

Одновременно, тот же бюллетень сообщает и об аресте 13 июня 1980 года иеромонаха Саввы (Кольчугина?) на железнодорожной станции в Арзамасе. Он подвергся преследованиям за свои проповеди и активную пастырскую деятельность... Год тому назад ему было запрещено служить. В 1929 г в ноябре он был арестован и насильно посажен в сумасшедший дом из которого его выпустили только после Рождества. В Вербное Воскресенье он снова был арестован сразу же после отслуженной им литургии и пробыл в заключении месяц.

МОЛЬБЫ ОТКРЫТЬ ДЛЯ ВЕРУЮЩИХ ЦЕРКОВЬ

Кестон Колледж в Англии получил копию прошения за подписью 410 грузин и русских, обращенного к Патриарху Пимену с просьбой открыть для верующих хотя бы один храм.

Из прошения видно, что в Кахске, Белакане и Закатальске Азербайджанской республики в СССР проживает не менее 20 тысяч грузин и 3 тысячи русских православных людей. В этом районе находится не меньше 50 старых русских церквей и все они были закрыты правительством. В Кахске есть еще пять церквей, находящихся в хорошем состоянии и их легко было бы отремонтировать для употребления. Однако, в августе 1980 года последняя церковь в городе Закатальске была взорвана.

Одновременно с этим, во всех вышеуказанных трех районах беспрепятственно функционируют целый ряд мечетей. Некоторые из них были открыты за последние несколько лет, в то время, как православные не имеют ни одного храма.

НОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ О. ДМИТРИЯ ДУДКО

Информационный бюллетень «Кестон Ньюз Сервис» сообщает, что Кестон Колледж в Англии получил текст заявления о. Дмитрия Дудко, датированного 27 июля 1980 г., сразу же после его известного выступления по телевидению в Москве.

Заявление обращено ко «Всем моим духовным чадам» и гласит следующее:

«Мои дорогие духовные чада в России и за границей. Я не могу простить себе моей слабости, сердце мое разрывается при виде вашего смущения и искаженных слухах и толкованиях. Я содрогаюсь от мысли, как я выгляжу в глазах всех, в какой соблазн я ввел людей, которых я прежде воодушевлял, а теперь разочаровал. Земно кланяюсь и прошу прощения.

Моя первая просьба к вам, чтобы вы оставались объединенными любовью

цлагеря аристократов, культурную и хозяйственную элиту, «несознательных» рабочих и крестьян и вообще всяких «врагов революции». В молодости был ревностным католиком, но ненавидел православных священников и теперь упивался их уничтожением.

Свердлов — председатель ЦИК-а и оргбюро ВКП (б). От него остался ряд «расстрельных» документов, но я приведу только один, который лег в основу расправы с повстанцами. Он относится к донским казакам. «Всем ответственным работникам в областях: Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильной самую беспощадную войну со всеми верхами казачества путем поголовного истребления. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно. Провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с советской властью. К среднему казачеству применить все те меры, какие дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против советской власти. Провести полное разоружение. Расстреливать всякого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи. В станицах до установления полного порядка оставить вооруженные отряды». Казачки говорили: пришли к нам люди, что плохо, а то и вовсе не говорили по-русски. Такие расправы творились не только на Дону, но во всех местах народного повстанчества.

Все это говорит о том, что красноармейцы никак не хотели воевать, а их отцы жить и трудиться по указке противной всему их пониманию коммунистической власти. А если бы русские люди так тяготели к коммунизму и стояли за него, как пишет Максудов, то почему бы гражданская война продолжалась более трех лет? Почему пять миллионов красноармейцев едва могли

справиться менее чем с тремя сотнями тысяч белогвардейцев? (Цифры Максудова). М. Бернштам показал, что Красная армия держалась только на расстрельной дисциплине и вовсе не хотела воевать за коммунизм. Народ с самого начала отверг большевизм. Как мы знаем, при выборах в Учредительное Собрание в 1918 г. когда у власти были уже большевики, несмотря на все их завлекательные посулы за них голосовало только 25%. И вот теперь, через четыре года, когда уже не было Белых армий, едва не по всей стране, как документально установил М. Бернштам, разлилось народное повстанчество. При том, такие крупные восстания, как Тамбовское, на Волге, на Урале, в Западной Сибири, а во множестве городов — забастовки рабочих. Непокорно было и в Красной армии, были бунты и переходы на сторону повстанцев. Особенно это отмечается в Тамбовском восстании. И увенчал все это в 1921 году Кронштадт. Четыре года назад моряки шли с большевиками, а теперь они встали против них. Они выдвинули лозунг, который поддерживали и тамбовцы, и Урал, и Сибирь, и вся страна — Советы без коммунистов. Народ отверг и коммунизм и коммунистов и хотел жить и творить по собственному смыслу и разумению. Это и был тот политический вывод, который народ сделал и повторил через четыре года кровавого коммунистического террора. Ленин объявил тогда НЭП и тем спас советскую власть. Народ не мог предвидеть, что это только обман. Обо всем этом в своей статье Максудов умалчивает и потому нет в ней правды, а превалирует обычная советская ложь.

Статьи М. Бернштама, наоборот, радуют. Появился, наконец, из Советского Союза нелицеприятный историк, который стремится раскрыть подлинную правду о гражданской войне в России 1918-1922 г. г.

Я. ТЕЛЬНОВ

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

682. ПОЛОЖЕНИЕ НА УКРАИНЕ — НОВАЯ ЧАСТУШКА

На днях повидал недавно покинувшего родину киевлянина. Вот, что он мне рассказал.

В Киеве говорят только по-русски. Официально заседания правительства проходят на украинском языке, но в перерывах все депутаты говорят между собой по-русски. Языковая проблема в Киеве, как и везде в СССР, разрешена так: в дипломатии, в вооруженных силах и на всех видах транспорта: речном по Днепру, на железных дорогах и пассажирских теплоходах и пассажирских самолетах говорят лишь по-русски.

Я вспомнил, что в советской армии у меня был сержант Хафизов, татарин из Казани, который объяснял нам устройство винтовки или уставы только, конечно, по-русски. Так делается и теперь.

Все украинцы в средних школах: украинских и великорусских — безразлично — учат оба языка на Украине: есть школы русские с уроками на украинском языке и украинские с обязательным русским.

В Киеве выходят ежедневные газеты: «Украинский вистник» по-украински и «Киевская Правда» по-русски. Читают больше вторую, чтоб быть в курсе того, что происходит вне Украины.

Официально языки всех 15 союзных республик равноправны, но попробуйте в советском посольстве или консульстве обратиться по-украински или, того хуже, по-киргизски или узбекски и вас просто не поймут, как на самолете или в поезде.

Мой собеседник — атеист — сказал мне, что в самом Киеве «функционируют» лишь Владимирский Собор и еще одна церковь, какая — он не знает.

Снабжение населения гораздо хуже, чем в Москве. В киевских продмагах и гастрономах бывают перебои с молоком, которое матери для младенцев тогда получают в учреждениях материнства и младенчества. Но также не всегда можно найти масло, сыры или сахар в кусках или песком. Сыр чаще других «швейцарский» или «голландский».

Зимой были перебои с картофелем. То же происходило в прошлом году с огурцами.

Многие жители на дворах устраивают огороды и этим обеспечивают себя овощами.

Это мне напомнило, как в Казани, где я проходил в 1918-1920 г. г. аспирантуру по международному праву, я

между собою. Как никогда прежде, забудьте личные оскорбления и национальную рознь, потому что мы должны объединиться перед лицом опасности. Не один ваш духовный отец судится КГБ, или кто-либо еще: Вся Русская Православная Церковь — и в ней Христос — вот кто предстает перед судом. Потому, что Он сказал, что то, что делается, то делается Ему. Теперь более, чем когда либо, мы должны понять друг друга и происходящее. Сейчас не время для осуждения. «Милости прошу, а не жертвы», слышим мы в Евангелии. И я прошу вас о милости. Отбросьте все, кроме милости.

Не забудем, что наше Отечество в беде, что Церковь Божия в такой же опасности, как и я, ваш духовный отец. Хочется напомнить вам мой последний сборник проповедей «Литургия как путь жизни и служения» и «Как обращаться к современному миру». Я верю, что если вы их опубликуете теперь, то это будет как будто мы говорим одним языком, потому что я думаю, что в этих проповедях я раскрыл себя более чем в каких либо других.

Тем не менее, что бы ни стало известным, когда я читал сегодня за Литургией Евангелие о том, как Христос протянул руку Петру и сказал ему «почто усумнился еси малове, мне показалось, что Он так же протягивает руку и нам. Сплотимся же около Него, становясь ближе друг к другу, делая дело Божие.

Мы воюем не против властей, да будет это всем понятно. Мы хотим победить безбожие, мы ратуем за души, стремясь привести их к Богу, чтобы было едино стадо и один пастырь, Господь Бог наш. Только Он может вывести нас из тупика. Верю, что вы уделите особое внимание моей проповеди о тупиках.

Благословение Божие да будет со всеми нами, слава Богу за все.

Священник Дудко»

Примечание: Заявление о. Дмитрия Дудко помещено в английском переводе и наш Отдел сделал обратный перевод на русский язык.

Одновременно, по сообщению того же «Кестон Ньюз Сервис», до Запада дошло письмо о. Дмитрия, адресованное им архиепископу Василию (Кривошеину) Московской Патриархии в Брюсселе.

В этом письме о. Дмитрий также просит прощения за свое «Покаяние». «Я переоценил свои силы, — пишет о. Дудко, — и упал ниже, чем кто бы то ни было до сих пор». . . «Теперь, продолжает о. Дмитрий, я готов сделать все возможное, чтобы только исправить сделанное повреждение». Он также просит архиепископа Василия передать его извинение за ссылку на Красковеца и Небольсина, сделанную им в покаянном заявлении.

Несколько появившихся на Западе писем о. Дмитрия явились результатом требований КГБ, агенты которого приходили к нему на квартиру с настаиванием, чтобы он подписал свою «благодарность Советскому Союзу», что он категорически отказался сделать.

За это, 10 августа его снова вызвали в Москву и подвергли там ряду допросов.

Последний номер бюллетеня «Релиджион ин Коммунист Доминейтед Эреас» сообщает, что по полученным издателями сведениям прямо из Москвы, о. Дмитрий провел в тюрьме 2 месяца, а затем был переведен в госпиталь, в котором пробыл 4 месяца, подвергаясь там принудительному «лечению».

После своего выступления по телевидению он был освобожден, но без права вернуться в свою квартиру. Потом он был назначен на приход, находящийся в 40 км. от Москвы. Навещавшие его друзья и духовные чада обратили внимание на то, что в течение 2-х первых недель о. Дмитрий очень странно себя вел: он выходил навстречу своим гостям в нижнем белье и не поздоровавшись с ними, ложился спать. Затем он стал поправляться и приходил в себя, но ни разу не заговаривал о своем покаянии или пребывании в госпитале.

Вернувшись наконец в свою квартиру в Москве он получил, повидимому в принудительном порядке, «секретаршу», которая всем посетителям представляется как его «духовная дочь». Говорят, что она хорошо знакома с церковной терминологией и ни на минуту не спускает его с глаз, даже когда он идет к врачу. Она же вскрывает его почту и следит за всеми его знакомствами. Секретаршу эту раз видели в ресторане с заведомыми агентами КГБ.

МИРОВОЙ СОВЕТ ЦЕРКВЕЙ НАКОНЕЦ ЗАИНТЕРЕСОВАЛСЯ . . .

«Кестон Ньюз Сервис» № 110 от 14 ноября и «Экьюменикал Пресс Сервис» № 30 от 13 ноября сообщают, что под давлением некоторых своих членов, Мировой Совет Церквей наконец принужден был написать Московской Патриархии, что он «продолжает заниматься вопросом суда и приговора некоторым христианским клирикам и верующим в Советском Союзе».

В письме, датированном 1-го октября, особенно выделяются имена оо. Д. Дудко и Г. Якунина, а также Л. Регельсона, А. Огородникова, Т. Великановой и В. Капитанчука.

До недавнего времени, Мировой Совет Церквей отказывался ввязываться в дела преследования верующих даже несмотря на требования нескольких чле-

на коллективном огороде вместо его посадки выбрал себе в мае-июне роль ночного «пугала»: являлся в полночь с книгами и сидел, занимаясь, на огороде до утра, когда соседи приходили на огород. Так выполнял свою долю работы и в то же время читал взятые с собой книги.

На мой вопрос о знаменитом в Киеве Софийском Соборе и пещерах Лавры собеседник мне сказал, что они превращены в музеи, которые показывают иностранным туристам и те восхищаются древним церковным строительством больше, чем современными «советскими достижениями», как разукрашенное художниками на подземных станциях московское метро.

Сам мой собеседник инженер, получивший образование в Ленинграде, работал в Управлении Жилищного Строительства в Киеве, и подтвердил мне, что на службе и всех стройках говорят только по-русски не только техники или рабочие, но и бойкие украинки — буфетчицы и уборщицы.

Прежде, чем привести последнюю советскую частушку, должен здесь сделать два пояснения:

1. Станция «Разлив» находится на северном берегу Финского залива на железной дороге на Сестрорецк, по которой ездят купаться в море. Она известна также тем, что на ней скрывался Ленин в июле-сентябре 1917 года в шатре после приказа Временного Правительства об его аресте. Он боялся, чтоб его не убили, как полтора года спустя убили в Берлине Карла Либкнехта и

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Телефон Редакции: 52-7426.

И СМЕХ И ГРЕХ...

В московском ОВИР е.

— Куда хотите? В США? Нельзя... Что? В Канаду? Тоже нельзя...

— Ну в Австралию...

— Ни в коем случае!

— А куда можно?

— В Израиль!

— Ну, уж если вы сами говорите, что туда можно, так я лучше дома останусь!

Розу Люксембург, а несколько позднее в Мюнхене мужа Розы Карла Тышко (псевдоним Лейбы Иогихеса).

2. Обычно уезжающие в Израиль евреи до отъезда скрывают от соседей по коммунальной квартире, что они уезжают в Израиль.

Вот частушка:

Раз сказал сосед соседу:

Завтра я купаться еду.

Не поехал он в Разлив,

А поехал в Тель-Авив!

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

нов этой организации. Как видно из этого письма, по затронутому вопросу переписка была начата еще в 1979 году. Своё молчание до этого Мировой Совет Церквей объяснял своим желанием «сохранить трезвый и осторожный подход, отражающий сложный и особый характер свидетельства, которое несет ваша Церковь и другие христианские общины вместе с миллионами верующих в вашей стране».

Мировой Совет Церквей с удовлетворением отметил, что в результате этой переписки, он может теперь «завлечь» других членов церквей в том, что два человека, имевших отношение к Церкви и бывших на суде, присутствовали там в качестве частных лиц, а не как представители Русской Православной Церкви». Тут имеются в виду два лжесвидетеля, которых выставила против о. Глеба Якунина Московская Патриархия: Проф. богословия Осипов и монах Иосиф Постутов.

Тем не менее, Мировой Совет всё же выразил свою озабоченность тем, что увеличение числа процессов против верующих и публикация о них в советской прессе «может оказать влияние на общественное мнение не в пользу жизни Церквей». Совет также сожалеет, что суды эти неудачно совпали с мадридской конференцией по охране Безопасности и Сотрудничеству в Европе, считая, что все это может помешать «атмосфере, ведущей к ослаблению напряжения».

Мировой Совет Церквей опубликовал свое письмо Патриархии в конце октября, чтобы дать последней достаточный срок для ознакомления с ним и ответа.

Председатель Отдела Внешних Сношений Московской Патриархии митрополит Ювеналий в своем письме от 29 октября 1980 г. ответил Генеральному Секретарю Мирового Совета Церквей д-ру Конраду Райзеру, что по его мнению, общественное мнение в СССР имеет достаточное уведомление о событиях путем прессы и он не видит никакой опасности в том, что это могло бы вызвать антагонизм к Церкви.

«Одновременно с этим, пишет митрополит Ювеналий, повидимому, размеры, в которых эти процессы представляются за границей, находятся в прямой противоположности пропорциям и объективности, с которыми иностранная пресса истолковывает подобный материал. К сожалению, многие стороны жизни нашей страны и нашего общества, включая права человека и вопрос религиозной свободы в частности, часто отражаются западными информационными агентствами в чрезвычайно преувеличенных формах и в духе так называемой психологической войны. Не удивительно поэтому, что как правило, за границей создается искаженное впечатление об этих вопросах».

«В целях дать Мировому Совету Церквей возможность более точно ознакомиться с процессами, о которых Вы упоминаете в своем письме и, имея целью «определить в каждом отдельном случае внутреннюю зависимость между составом обвинения и отношением обвиняемого к его преступлению и размером наказания, я недавно снесся с Советом по Религиозным Делах подведомственным Совету Министров СССР, прося его препроводить нам материал соответствующих судебных инстанций для выяснения состава преступления и вынесенного в связи с ним приговора. Наша просьба касается также и дела о. Якунина».

«Что же касается Вашего замечания о суровости приговоров, то считаю долгом обратить Ваше внимание на тот факт, что во всех случаях, когда обвиняемый признал свою вину и приносил покаяние, ему оказывалось снисхождение со стороны закона. Это относится к обоим: о. Дмитрию Дудко и Льву Регельсону. О. Дмитрий уже получил назначение в моей епархии, самой близкой к Москве в храме Владимирской иконы Божией Матери в с. Виноградово, хотя следствие по его делу еще и не закончено».

«Ваше дальнейшее замечание о том, что по Вашему мнению вышеуказанные процессы не своевременно устроены слишком близко к международной встрече в Мадриде в ноябре месяце, дает понять, что они могут явиться препятствием для восстановления атмосферы «детанта» и понижения существующего напряжения. Мы считаем, что объективный взгляд на этот вопрос, являющийся предметом нашей корреспонденции и исключение его (из обсуждения) как орудия, портящего международные взаимоотношения, является для нас гарантией того, что это не составят затруднений, которые могли бы помешать нам следовать направлению, ведущему к Европе, составленной из всех наций и государств, творчески выполняющей все 10 принципов Окончательного Акта Хельсинкского Соглашения, объединенной в мирном сотрудничестве в соответствии с условиями «детанта», успешно стремящейся к совместной цели разоружения».

Письмо заканчивается словами: «мы не имеем ничего против опубликования Вами этого письма».

Как видно из этой переписки, Московская Патриархия и тут, стоя на страже интересов советского правительства, неохотно согласилась препроводить Мировому Совету только кое-какую документацию из судебного делопроизводства преследуемых властью верующих. Однако, она никоим образом не решается высказать своего сочувствия, а тем менее — встать на их защиту.

Отдел Внешних Сношений Русской Зарубежной Церкви